

— Услышав это, Фэн Цинянь, как и прежде, презрительно фыркнул.

Втроем они шагнули на каменные ступени и пошли плечом к плечу.

Издалека каменная лестница казалась очень широкой; по обе стороны от ступеней тянулись сухие ветки и бурьян, а среди них порхали светлячки, мерцая алыми огоньками. Ночное небо было сине-черным, высокая луна скрывалась в вышине.

С каждым шагом вверх летевшие кругом светлячки вспыхивали красным светом.

Вокруг не было ни человеческих голосов, ни звуков — лишь шелест опадающих листьев, которые ночной ветер срывал с переплетенных ветвей.

Ночной ветер разогнал сухую листву у края ступеней, и прямо из каменной кладки вырос цветок золотого лотоса, распустившись во всей своей яркой красе.

Левая рука Вэнь Ланьшу, державшая светильник, вдруг оказалась окружена несколькими светлячками, и серебряный браслет на его запястье слабо засиял.

Всмотревшись пару мгновений, Вэнь Ланьшу тихо произнес:

— Высочество Цинянь, Генерал Цюшэнь.

Вэнь Ланьшу шел впереди, а Фэн Цинянь двигался позади, шагая в ногу с Фэн Цюши. Услышав это, Фэн Цюши отозвался:

— Братец Вэнь... мы... мы здесь.

Вэнь Ланьшу предупредил:

— Будьте осторожны, что-то не так.

Станный порыв ветра коснулся тонких прядей у ушей. Вэнь Ланьшу со светильником в руке шел все дальше, как вдруг мимо пронесся легкий ветерок, и откуда-то из пустоты донесся легкий, звенящий шепот.

Звук плыл издалека, раздаваясь во тьме — мелодия звучала на манер театрального напева.

Женский голос, ария.

Заунывная песня разносилась над помостом, стихали последние звуки, и на глаза наворачивались слезы полузабытой тоски по родному краю...

Мелодия театрального напева текла мрачно и тревожно, словно лодка, плывущая ночной порой. Сопровождаемая горькими вздохами и тоской, она падала с высоты капелькой алой туши в воду, едва заметно расходилась кругами ряби и наконец растворялась в ней без следа.

Услышав это, стоявшая справа высочество Зала Великого Божества Фэн Цинянь презрительно фыркнула, бросив нахмуренный взгляд в сторону, и надменно, глухим голосом бросила:

— Мы ведь не простые смертные, чего бояться?

Но ночной ветер качнул сухие листья на ступнях, бесшумно скользнув у самых ног Фэн Цинянь.

— Что за чертовщина?! — люди, постигающие Путь, всегда отличаются чуткостью, и это внезапное «прикосновение» заставило Фэн Цинянь вздрогнуть от неожиданности и резко поднять ногу.

— Осторожно! Ва-ва... высочество... — Фэн Цюши проявил завидную расторопность и тут же подхватил Фэн Цинянь под руку, предотвратив падение в пустоту.

Увидев это, Вэнь Ланьшу тяжело вздохнул и пробормотал про себя:

— Все же лучше соблюдать осторожность.

По мере того как каменная лестница вела все выше к горам, тусклый свет вокруг становился еще слабее. Царящая повсюду тишина казалась невероятно зловещей, тяжелая злая аура давила со страшной силой, и в воздухе продолжало разноситься лишь зловещее пение.

Звуки мелодии были сложными и переменчивыми: то взлетали высокие ноты, то звучал тоскливый речитатив о родном доме.

Вэнь Ланьшу вслушивался в пение, в то время как шедшие позади Фэн Цинянь и Фэн Цюши ощущали, как ночной ветерок пробирается под одежды, и то и дело озирались по сторонам.

Дул ночной ветер, темные тучи заволокли сияние высокой луны, несколько сухих листьев кружились и зависали в воздухе.

В один миг все вокруг погрузилось в непроглядную тьму, и спутники Вэнь Ланьшу едва различали лишь каменные ступени под ногами, а стоило поднять голову — перед глазами простиралась лишь смутная и темная пелена.

Внезапно пение оборвалось.

Повеяло легким ветерком, взметнувшим полы одежд, и сбоку от каменных ступеней из

ниоткуда взмыл вверх одинокий фонарь!

Стоило Вэнь Ланьшу ступить на ступеньку, как вокруг каменной лестницы один за другим из земли стали подниматься золотисто-огненные фонари.

Яркие золотые светлячки пламенели и кружились между ступенями.

В мгновение ока взлетели фонари, закружились светлячки, словно настал час зажигания праздничных огней.

Но как только Вэнь Ланьшу подтянул левую ногу, свет погас, и светлячки исчезли.

Вэнь Ланьшу поднял взгляд и под серебряным браслетом на запястье увидел, что узор на тыльной стороне его левой руки внезапно изменил форму — по коже неторопливо расплзся рисунок распустившегося лотоса.

Поразмыслив немного, Вэнь Ланьшу глухим голосом произнес:

— Высочество Цинянь, Генерал Цюшэнь, оставшийся путь я преодолею один.

Остановившись, Фэн Цюши поднял глаза на Вэнь Ланьшу и озадаченно спросил:

— А... а? С-со... сотворенного ради чего?

Вэнь Ланьшу ответил:

— Этот Призрачный Чиновник Цяньлан вряд ли появится там, где много людей. Если мы пойдем вместе, сегодня мы его точно не встретим.

Услышав ответ Вэнь Ланьшу, Фэн Цинянь недовольно возразила:

— Мы уже прошли половину лестницы, еще столько же — и доберемся до этого проклятого Пруда Трупов Стены Духов, с какой стати нам останавливаться?

Вэнь Ланьшу пояснил:

— Высочество Цинянь, вы же видели только что: на каменных ступенях зажглись диковинные фонари, но стоило нам пойти следом, как они постепенно погасли.

Фэн Цинянь ответила:

— Фонари и впрямь странные, но это еще ничего не доказывает.

Фэн Цюши тоже поспешил вставить слово:

— Ва-ва... высочество... только что, когда братец Вэнь поднимался один, фонари... не гасли... А стоило нам... пойти за ним, как фонари и пламя пропали. Не из-за нас ли... мы так долго идем и никак не можем достичь конца этой длинной лестницы...

В Истоке Великого Божества Лэцин жил некогда великий и грозный генерал, прошедший через пять застав и обезглавивший шестерых вражеских полководцев. Его посмертный образ звался Генералом Цюшэнем, слава его гремела во всех десяти сторонах света, он не знал поражений в боях, а одним лишь взмахом меча мог сразить тысячу врагов. Однако позднее, из-за падения городских стен, в веках осталась лишь легенда о слезах генерала, обогренных кровью. Постыжение у Фэн Цюши всегда превосходило способности других, и, сопоставив недавнее явление со словами Вэнь Ланьшу, он мгновенно уловил суть.

Услышав слова Фэн Цюши, Фэн Цинянь горделиво фыркнула и скрепя сердце согласилась.

— Т-тогда... мы пока останемся здесь... Е-если... если случится что-то странное, братец Вэнь... т-ты... ты крикни погромче, и мы... немедленно придем на помощь. — Никаких лишних слов, в голосе звучало полнейшее доверие.

Мягко уткнув, Вэнь Ланьшу со светильником в руке продолжил свой путь по ступеням.

Стоило ступить на ступень — и весь мир затаил дыхание.

Ночной ветер ласкал черные пряди у ушей, лунный свет был скрыт слоями облаков, легкий шелест ветра не прекращался, и множество ярких фонарей вновь одиноко поднялось вдоль каменной лестницы.

Впереди и позади зажигались яркие огни, кружились светлячки.

Вэнь Ланьшу держал светильник в левой руке, а про себя бдительно осматривал окрестности. Вдруг он заметил на ступенях справа человеческую фигуру.

Этот человек поднимался с ним вровень на одной ступени, однако здесь было донельзя опасно, и Вэнь Ланьшу не смел безрассудно поднять голову, чтобы разглядеть его лицо.

Свет померк.

Вэнь Ланьшу шел, слегка опустив голову, с масляным светильником в левой руке. Во тьме и тусклом свете он видел, что незнакомец был очень высоким, облаченным в роскошное парчовое длинное одеяние цвета киновари с вышитыми золотой нитью лотосами, а на поясе его красовались нефритовые и золотые украшения. Казалось, от всей его фигуры исходило едва уловимое сияние. В правой руке он держал красный фонарь, вокруг которого роились светлячки.

Огненные светлячки с алым сиянием порхали рядом, время от времени взлетали яркие светильники, и вокруг царила зловещая тишина.

Сердце колотилось в груди, атмосфера была напряженной и тревожной.

Сохраняя бдительность, Вэнь Ланьшу отвел взгляд, а правая рука его под рукавом уже сотворила талисман — он ждал, не предпримет ли незнакомец каких-либо действий.

Стоило ступить на очередную ступень, как порхающие светлячки медленно рассеялись, и этот человек шагнул одновременно с ним.

На высоких сапогах с золотым узором не было ни пылинки, полы темного платья с золотым тиснением легко взметались.

Пройдя плечом к плечу с полпальцем пути, спутник вдруг тихонько усмехнулся.

Звук был мягким — голос благородного мужчины.

Шаги замедлились, и когда он слегка развернулся корпусом, раздался легкий, звенящий перебор цитра.

Вэнь Ланьшу слегка повернул голову и увидел, что его пять пальцев, опущенных вниз, были невероятно белыми и тонкими, с четко очерченными суставами. На указательном палец красовалось красно-золотое кольцо.

Это же...

Вэнь Ланьшу опустил глаза и бросил еще один взгляд: светлячки кружились между его пальцами, оседая на кольцо.

Красный свет фонаря в правой руке освещал путь, между тьмой и светом на каменных ступенях пролегла граница, а позади вновь то тут, то там взмывали яркие огни.

Что же делать...

Призрачный Чиновник Цяньлан специально явился, чтобы проводить людей в последний путь... Неужели это радостное приветствие для того, кто пал жертвой призыва трупов и вызова душ? Похищать живые тела ради злодеяний, но при этом сохранять изысканные манеры.

Этот Тысячелетний Призрак Цяньлан, Держащий Светильник и Ступающий по Крови, судя по всему, обладал весьма незаурядным нравом.

Поразмыслив немного, Вэнь Ланьшу решил: раз уж он пришел в это запретное место с помощью чужого колдовства, а Гора Сто Лотков — вотчина злосчастливого Старейшины Призраков, то если его истинная личность раскроется, этот демон вряд ли позволит ему дойти до вершины горы.

И надо же было такому случиться — спрятанный в рукаве Вэнь Ланьшу бумажный человечек внезапно высунул голову, огляделся по сторонам, уставился на запястье мужчины и в следующий миг из всех сил оттолкнулся. Сделав прыжок, он приземлился прямо на запястье незнакомца, а затем кубарем покатился к нему на ладонь.

Эй...! Вот... теперь нам конец...

Сердце подпрыгнуло к самому горлу, и Вэнь Ланьшу с трудом удержался от желания смахнуть холодный пот.

Однако ожидавшейся расправы не последовало: мужчина вовсе не выказал отвращения к выходке бумажного человечка, скорее наоборот — проявил немалую нежность. Он медленно поднял руку, поднося бумажного человечка ближе к Вэнь Ланьшу.

Бумажный человечек уже уснул прямо на его ладони.

Спустя мгновение раздумий Вэнь Ланьшу влил духовную силу в ладонь, поднял правую руку и принял протянутого ему бумажного человечка.

Кончики пальцев незнакомца были чуть прохладными, но когда Вэнь Ланьшу едва коснулся их, то ощутил, что они полны жизненной силы.

Они все же теплые...?!

Неужели он человек?!

Заметив, что Вэнь Ланьшу охотно забрал возвращенного бумажного человечка, мужчина снова тихо усмехнулся, выражая свое удовлетворение.

Упрятав бумажного человечка за пазуху, они продолжили неторопливый путь плечом к плечу.

Лунное сияние скрылось, позади медленно поднимались фонари, а перед глазами светили лишь масляный светильник в левой руке Вэнь Ланьшу да красный фонарь неведомого божества или демона.

В этой полутьме Вэнь Ланьшу замечал лишь то, что каменные ступени под ногами были поразительно чисты, без единой пылинки.

Стоило Вэнь Ланьшу переставить ногу, как тот останавливался на мгновение, и лишь когда Вэнь Ланьшу делал следующий шаг, спутник следовал за ним.

Красный фонарь неизменно освещал ступени впереди Вэнь Ланьшу, и с каждым шагом искры светлячков рассыпались хороводом.

Шагая со светильником в руке, двигаясь сдержанно и изящно, этот человек словно обращал всё вокруг в свой центр — даже пронизывающий ночной ветер рядом с ним становился мягким.

Каменный путь залит светом, в природе царит абсолютная тишина.

Оба молчали, сопровождаемые светящимися позади фонарями и кружащимися светлячками, они вместе дошли до вершины Горы Сто Лотков.

Гора Сто Лотков — Пруд Трупов Стены Духов.

Каменная лестница закончилась, фонари позади разом погасли, светлячки исчезли. Все вернулось к прежнему состоянию: вокруг ни огонька, ступени покрыты опавшей листвой и пылью, а сквозь тусклый красный свет невозможно было разглядеть хоть что-то.

Алое свечение протянулось между каменными воротами Пруда Трупов Стены Духов и лестницей, и, приглядевшись, можно было различить едва заметную преграду-печать, внутри которой высились две исполинские каменные статуи.

Но багровый свет застилал глаза, луна скрылась окончательно, и всё вокруг тонуло в красных отблесках, отчего зрение невероятно затуманилось, не позволяя разобрать, кого именно изображали статуи.

Вэнь Ланьшу изо всех сил моргнул, но обзор был перекрыт, и всё утонуло в зыбкой пелене.

Незнакомец держал в руке фонарь. Они стояли на ровной площадке вершины Горы Сто Лотков. Заметив, что Вэнь Ланьшу всматривается в каменные изваяния, мужчина тихо усмехнулся, шагнул вперед и чуть шевельнул пальцем, словно призывая Вэнь Ланьшу двигаться дальше.

Каменная лестница кончилась, и еще один шаг вперед означал бы вход в Пруд Трупов Стены Духов.

Идти или не идти?

Если идти — в Пруду Трупов Стены Духов, лишенном какой-либо подготовки, духовных формаций и талисманов, обитают лишь заблудшие души и злобные мертвецы, а страшная злоба сулит верную гибель любому смертному.

А если не идти... — Вэнь Ланьшу слегка приподнял голову, но спутник был так высок ростом, что Вэнь Ланьшу удавалось разглядеть лишь то, что было ниже его шеи.

На груди красовалась вышивка в виде золотого лотоса, на плечах — золотые журавли среди клубящихся облаков, алое длинное одеяние, черные воротник и манжеты.

Сотни призраков бесчинствуют в Пруды Трупов, демонические духи уже сеют хаос, когда же еще истреблять нечисть ради спасения народа, как не сегодня?

Рука, державшая красный фонарь, оставалась неподвижной, но кружащиеся светлячки уже не могли ждать. Спустя мгновение красный фонарь чуть сместился, и Вэнь Ланьшу понял, что его спутник смотрит в сторону каменных статуй.

Если не сражаться сейчас, то когда же?

Вэнь Ланьшу резко вскинул голову, в тусклом свете масляного светильника проступили следы духовной магии.

Его прямые каштаново-черные волосы были наполовину собраны и стянуты золотым шнуром. А серебряная резная полумаска скрывала верхнюю часть лица, не давая разглядеть его черты целиком.

Юноша отвел взгляд и мягко улыбнулся Вэнь Ланьшу.

Эта улыбка казалась способной очаровать тысячи живых существ, и в этот самый миг светлячки пронеслись перед глазами.

Ослепительная вспышка красного света — и фонарь взмыл прямо между ними, заслонив обзор.

В одно мгновение алый силуэт растаял перед глазами, и Вэнь Ланьшу не успел разглядеть глаза незнакомца — он лишь увидел, как россыпь светящихся красных искр устремилась к каменным изваяниям.

Замернув на миг, Вэнь Ланьшу опустил правую руку и посмотрел на ладонь: на ней лежала резная серебряная полумаска.

Никаких ощущений, никаких звуков.

Уровень духовной силы этого человека явно превосходил возможности обычных юнцов.

А запирающая барьерная печать рядом постепенно рассеивалась, и светлячки влетели внутрь.

Подождав немного, Вэнь Ланьшу пришел в себя.

Пруд Трупов Стены Духов представлял собой мрачную обитель мертвых на Горе Сто Лотков. Это место походило на пустынный и безмолвный лес с редкими деревьями, просторный и до жути жуткий. Между деревьями лениво порхали светлячки, вокруг царила мертвая тишина, но в то же время воздух был до предела пропитан злобой — казалось, стоило ступить внутрь, как в ушах зазвучат стоны тысяч озлобленных мертвецов.

Поразмыслив немного, Вэнь Ланьшу решил: раз уж путь привел его сюда, есть ли смысл отступать?

В конце концов Вэнь Ланьшу решил войти в Пруд Трупов Стены Духов и во всем разобраться.

А те двое, что все еще оставались у каменных ступеней, тем временем готовились столкнуться с внезапным визитом истинных, сгнивших и свирепых мертвецов из самого Пруда Трупов.

Лицо Тысячелетнего Призрака раскрыто — 3

Безлунная ночь, зловещая и пустая земля.

По обе стороны дороги высились редкие сухие деревья, украшенные точками алого света, а ночной ветер шевелил опавшую листву, издавая тихий шелест.

Одиночество пространства и предельная жуткость. Расставшись с Вэнь Ланьшу, оба ждали на середине каменной лестницы, прислушиваясь к звукам.

— Ва... высочество, т-ты... как думаешь, братец Вэнь... он... добрался до Пруда Трупов... или нет... — с беспокойством спросил Фэн Цюши.

— Цюши, если память мне не изменяет, у нас с этим Вэнь Ланьшу не было никаких теплых отношений, с какой стати ты так в нем уверен? — глядя на Фэн Цюши справа, спросил Фэн Цинянь.

Фэн Цюши сидел рядом с ним и мягко смотрел на него:

— Наверное... это чувство... Говорят, что Генерал Бэймин тоже был сыном божества, что некогда добровольно предал себя огню, чтобы очистить человеческую... злобу, поистине... редкий человек. Мы ведь тоже когда-то... несли тяжелое бремя... всем сердцем желая защитить людей этого мира на вечные времена... пусть даже... нас самих ждала бы вечная гибель, мы... ни о чем бы не пожалели... Поэтому мне кажется... что он мне близок...

Жизнь всегда так непостижима. Когда ты жалок и несчастен, находятся те, кто презирает тебя до глубины души и смотрит свысока. Но стоит тебе взойти на высокое положение, как тень

твою начинают топтать всё больше людей, рождая вокруг лишь злословие. Правители, высочества, главы семей, генералы — пока городские заставы процветают, они являются почитаемыми миллионами высшими божествами, неприкасаемыми и священными. Но когда заставы рушатся, они обращаются в глазах людей в самый никчемный хлам. На них обрушится всеобщее презрение и проклятия тысяч людей.

Каждый сочтет своим долгом предать их казни.

Услышав столь проникновенные слова, показавшиеся ему отзвуком собственных чувств Вэнь Ланьшу, Фэн Цинянь хоть и тронут был в глубине души, но всё же легко фыркнул:

— Лучше бы так оно и было. — Обернувшись к мотылькам у каменной лестницы, он погрузился в безмолвные раздумья.

Простор вокруг был погружен во тьму, как вдруг Фэн Цюши услышал слабый, глухой вздох.

Зловещие смешанные вздохи, звук приближался.

Фэн Цюши немедленно встал и настороженно прислушался. Тихо спросил:

— Ва... высочество, ты... ничего... не слышал?..

Фэн Цинянь переспросил:

— Что слышал? — Фэн Цинянь тоже поднялся на ноги, но стоило ему произнести эти слова, как ночную тишину разорвал какофонический шум.

У подножия каменных лестниц собиралась толпа...

Нет... толпа чудовищ...

— Что это за хрень! — выхватив меч Дуаньнянь, с легким испугом воскликнул Фэн Цинянь.

Фэн Цюши тоже обнажил меч с серебряным сиянием и произнес:

— Не похожи... на трупных марионеточных демонов, но... и на свирепых мертвецов не похожи, никогда... не видел таких.

Марионеточные демоны и свирепые мертвецы рождаются из тел умерших людей, и как бы ни менялись их лица, в них всё же угадываются человеческие очертания, прибывшие же уродились донельзя странными.

Кто-то стоял, кто-то полз, кто-то стоял на коленях, кто-то подался всем телом вперед...

Глядя на появившихся чудовищ, Фэн Цюши сделал осторожный шаг назад и тихо произнес:

— Ва... высочество, прибывшие... не к добру, д-давай... уйдем первыми.

С этими словами оба начали пятиться. Но стоило им сделать шаг, как по воздуху прокатился жуткий вопль.

Что за дрянь!!

Каменная лестница уходила в бесконечность, зловещие вопли кружили по всему горному склону подобно ночным летучим мышам, пронзительные звуки резали слух, заставляя волосы вставать дыбом.

Тем временем уродливые трупы внизу шевельнулись, уставившись друг на друга искаженными лицами с синеватыми зрачками, и испустили устрашающий звериный рел.

Неужели это...

Нет! Это запретные призраки!

Фэн Цюши стремительно взмахнул мечом, чувствуя неладное, и завопил:

— Высочество! Скорее... бежим!!

Едва он договорил, как зажатый в руке фонарь выскользнул на землю. Издав крик на два голоса, оба повернулись и бросились бечь вверх по каменным ступеням.

А толпившиеся у подножия лестницы уродливые скверные дети испытывали жестокий голод, их лица были изуродованы. Увидев, что те двое повернулись и побежали, они разинули рты в пугающих гримасах — словно потеряли желанное лакомство, которое так долго не могли отведать.

Взвыв, они все разом бросились вперед, словно рой насекомых! Всё висело на волоске.

В мире есть обитатели бессмертных, но есть в тех краях и страшные диковины. Если речь заходила о запретных призраках, то от скверных детей каждый старался держаться подальше, и даже владыки подземного мира были против них бессильны.

Как известно, все живые существа делятся на ранги: высший ранг — это ученики бессмертных, средний — простой народ, а к низшему относятся безродные скверные дети, обитающие в безбрежной нищете. У них нет ни имен, ни родов. При жизни, во время кровопролитных войн, они были лишь расходным материалом, проливающим кровь и служащим для заточки клинков, а после смерти их души и тела рассеивались, и никто никогда не приносил им жертв, из-за

чего их души и тела страдали от бесконечного голода.

Поскольку тела скверных детей после смерти распадались на части, превращаясь в трупных демонов, они оставались чудовищно искаженными: у кого-то не было головы или рук, у кого-то — глаз или ног.

Потому они по большей части представляли собой гниющие трупы, которых невозможно было убить, и злобные отродья, которых нельзя было прогнать.

Именно поэтому каждый год в седьмом месяце некоторые смертные выставляли в полях обильные дары и часами жгли благовония. Это делалось ради умиловливания подобных одиноких духов и диких призраков — в надежде, что те не посмеют нарушить границы и чинить бесчинства.

Если же кому-то выпадало несчастье оказаться проклятым и к нему приставали скверные дети, это означало неминуемое приближение беды.

Поэтому, сталкиваясь с такой мерзостью, как скверные дети, лучшим решением было держаться от них подальше, если только при себе не имелось магических артефактов бессмертных.

Шум ветра, шепот леса.

В темной ночи безмолвные вздохи всего живого скрывались впотьмах — казалось, нечто безмолвно следило за каждым шагом, словно втайне трепеща перед чем-то неведомым.

Лес Пруда Трупов Стены Духов погрузился в абсолютную тишину. Деревьев здесь было мало, но кроны их пылали золотом, а ветви сплошь покрывала аства багряная листва.

Лесная чаща раскинулась широко, докуда хватало глаз: порхали светлячки, со всех сторон сияли красные фонари.

Весь Пруд Трупов Стены Духов тонул в золотых ветвях и алых огнях.

Переступив через каменные ворота, Вэнь Ланьшу ступал предельно осторожно. И при этом пейзаж внутри леса Пруда Трупов поражал своей необычайной, изысканной красотой.

Высокие тунговые деревья с золотыми ветвями и багряными листьями. Между густой листвой золотистым светом переливались светлячки, а изящные красные фонари освещали всю лесную чащу.

На золотистых ветвях тунговых деревьев гирляндами висели золотые бусины на красных шнурах.

Всё выглядело так, будто его слегка укрыли багровым шелком, и даже ночное небо казалось облаченным в свадебные одежды.

Две высокие каменные статуи Будды, воздвигнутые по обе стороны, поражали безупречной резьбой — живые и утонченные.

Слева — статуя божества с безмятежной, мягкой улыбкой, заложившего руку за спину со спрятанным мечом, в то время как правая рука поддерживала светильник. Вокруг фигуры вилась божественная лента, одежды были испещрены тончайшим парчовым узором, наряд украшали подвески из красного жемчуга.

На лбу сияла киноварная точка, а черты лица были донельзя изящны.

<http://bllate.org/book/19318/1889646>